

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 81-114.2; 81`42

Го Бинь

**ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ)**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Минск, 2018

Работа выполнена в Белорусском государственном университете

Научный руководитель **Норман Борис Юстинович,**
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
теоретического и славянского языкознания Белорусского
государственного университета

Официальные оппоненты **Ратникова Ирина Энгелевна,**
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
русского языка Белорусского государственного университета

Тур Виталий Викторович,
кандидат филологических наук, заместитель декана
факультета международных бизнес-коммуникаций
УО «Белорусский государственный экономический
университет»

Оппонирующая организация УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени М. Танка»

Защита состоится 20 июня 2018 г. в 14.00 на заседании совета по защите
диссертаций Д 02.01.24 при Белорусском государственном университете по
адресу: 220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, ауд. 62; e-mail: batnf@bsu.by; тел.
ученого секретаря: +375 17 209-55-58.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке
Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан «14» мая 2018 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

Н.В. Супрунчук

ВВЕДЕНИЕ

Политика и жизнь обычных людей взаимосвязаны. Неудивительно, что развитие человеческой цивилизации сопровождается постоянным ростом внимания общества к политической жизни. Выступления политических лидеров всегда привлекают пристальное внимание специалистов – политологов, социологов, психологов, лингвистов, поскольку значительную роль в определении имиджа страны и ее престижа на международной арене играет способ ее презентации именно политическими лидерами данного государства. Посредством своих выступлений политики имеют возможность обратиться как к международному сообществу, так и к гражданам своей страны. С использованием различных языковых единиц политик репрезентирует себя, свою точку зрения, а также объединяет себя с определенной группой.

Актуальность данной работы обусловлена, в частности: а) ее соответствием таким перспективным лингвистическим направлениям, как политическая лингвистика и прагматика; б) отсутствием монографических исследований, посвященных способам выражения субъектности в политическом дискурсе; в) важностью сравнительного изучения идиолекта разных политиков, в том числе с преимущественным вниманием к употреблению местоимений 1-го лица и некоторых других средств; г) особой значимостью языковых средств, используемых в публичной речи политиков в эпоху «информационных войн»: они призваны формировать у аудитории определенную позицию, выгодную говорящему.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами, проектами и темами

Диссертация выполнена на кафедре теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета в рамках исследований, проводимых по теме НИР «Славянские языки среди других языков: контакты, система, функционирование» (№ гос. регистрации 20162471), сроки выполнения 2016–2020 гг.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – выявить систему языковых средств, используемых для реализации субъектности в политическом дискурсе (выступлениях Президентов Республики Беларусь и Российской Федерации), а также особенности взаимодействия данных средств и механизмы их применения в разных жанрово-стилистических условиях и с учетом языковой личности говорящего. Для достижения цели исследования были

сформулированы следующие **задачи**:

- 1) упорядочить и обобщить имеющееся в научной литературе представление о политической лингвистике;
- 2) изучить различные подходы к понятию «субъектность» в лингвистике и сформулировать собственную трактовку, оптимально соответствующую целям исследования;
- 3) определить совокупность языковых средств (лексических и грамматических), используемых для реализации субъектной позиции;
- 4) исследовать степень представления индивидуальной и коллективной субъектности в политическом дискурсе (с попыткой ее ранжирования);
- 5) уточнить характер использования средств, входящих в я-группу и *мы*-группу, в текстах одного и того же политика, относящихся к разным жанрам, и в речи разных политических лидеров.

Объектом исследования являются тексты публичных выступлений политических лидеров двух стран – Республики Беларусь и Российской Федерации – за 1999 – 2017 гг. **Предмет** исследования – лексические и грамматические средства реализации субъектности в политическом дискурсе, соотношение и механизм их выбора говорящим.

Материал исследования представлен 110 текстами за 1999 – 2017 гг. Он включает новогодние обращения Президента (А. Г. Лукашенко, В. В. Путин, Д. А. Медведев), послания Президента парламенту (А. Г. Лукашенко, В. В. Путин), пресс-конференции (А. Г. Лукашенко, В. В. Путин), телепрограммы «Прямая линия» (В. В. Путин). Общий объем собранного и исследованного нами материала составляет 1,02 млн словоупотреблений. Источником материала послужили: а) сайт официального интернет-портала Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/>; б) сайт официального интернет-портала Президента РБ: <http://president.gov.by/>.

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит в том, что в нем на материале выступлений трех Президентов (В. В. Путина, Д. А. Медведева, А. Г. Лукашенко) впервые проведено комплексное исследование языковых средств, используемых для реализации категории субъектности в политическом дискурсе. Предложена иерархия выражения индивидуальной и коллективной субъектности. Выделены семантические разновидности *мы* в исследованных политических текстах. Установлено неравномерное использование средств, входящих в я-группу и *мы*-группу, в текстах выступлений одного и того же политика, относящихся к разным жанрам, и в речи разных политических лидеров. Выявлена употребительность частотных имен существительных в обследованном материале, позволяющая уточнить характеристики языковой личности политика.

Положения, выносимые на защиту

1. Специфика выражения субъектности в политическом дискурсе

реализуется посредством комплексного использования лексических и грамматических средств. Я-группа, мы-группа и группа, обозначающая размытый или обобщенный субъект, являются кластерами, представляющими всевозможные способы выражения субъектности в политическом дискурсе. Основным средством выражения субъектности на лексическом уровне являются личные местоимения. По степени субъектности (от самой сильной до самой слабой) выделены: эксплицитное прямое использование личного местоимения, эллиптическое употребление местоимения, описательное выражение субъектности, имплицитное замещение личного местоимения.

2. В политических текстах различаются следующие семантические разновидности *мы*: инклюзивное и эксклюзивное. Инклюзивное *мы* обладает различным объемом (широтой охвата), укладываемым в следующую последовательность: национальное *мы* > социальное *мы* > коллективное *мы* > парное *мы*. В некотором количестве случаев разделение *мы* инклюзивного и *мы* эксклюзивного затруднительно и требует обращения к контексту. Обнаружены также не описанные ранее случаи, когда говорящий, используя местоимение *мы*, исключает себя из состава коллективного субъекта.

3. Предикаты, сочетающиеся с местоимениями в политическом дискурсе, представляют собой важные элементы поля субъектности. В отличие от данных опубликованных частотных словарей, в которых местоимение *я* демонстрирует большую частоту, чем *мы*, в корпусе диссертации наоборот, *мы* встречается чаще, чем *я*. Показано, что использование *я* снижается с такой закономерностью: $Ч_{ур} > Ч_{кд} > Ч_{ол} > Ч_{пр}$. Частотность местоимения *мы* понижается с такой закономерностью: $Ч_{кд} > Ч_{ур} > Ч_{ол} > Ч_{пр}$. Притяжательные местоимения *наш* и *мой* по-разному ведут себя в корпусе диссертации и в трех подкорпусах НКРЯ: в публицистической речи, общей лексике, живой устной речи. Многие из глаголов, сочетающихся с местоимением *я*, представляют собой речемыслительные лексемы. В *мы*-группе имеется 9 речемыслительных глаголов, частота употребления которых в обследованных текстах превышает 50; это количество заметно меньше, чем в *я*-группе (где таких глаголов 15). Самыми употребительными перформативными глаголами являются *прошу*, *предлагаю*, *подчеркиваю*, *обещаю*, *поручаю*, *желаю*. Посредством использования краткой формы причастия или прилагательного (*должны*, *вынуждены*, *обязаны*, *готовы*, *заинтересованы*, *намерены*) политик, объединяющий себя с какой-то группой, в большей степени выражает предположение и планирование сделать что-то. Эти результаты говорят о соотношении стратегий и тактик речевого поведения, имплицитно присутствующих в сознании политического лидера при общении со слушающими.

4. Среди языковых средств, образующих поле выражения категории

субъектности, важное место занимают также имена существительные. В том числе в посланиях Президента парламенту использование существительных для обозначения самого говорящего представляет собой яркую характеристику языковой личности политика; использование существительных в качестве обращений выявляет коммуникативные тактики политика и особенности его идиолекта; наконец, семантические «облака» частотных существительных в публичных выступлениях политических лидеров демонстрируют их идейные приоритеты.

5. В различных жанрах выступлений одного и того же политического лидера и в выступлениях разных политиков личные местоимения используются с различной частотой и в сочетании с различными предикатами. Показано, что на выбор тех или иных средств выражения субъектности в политическом дискурсе влияют три ряда факторов: это личность политического лидера (в том числе особенности его идиолекта), коммуникативная интенция говорящего и жанровые условия выступления. При сравнении исследованного материала выявлено, что Президент А. Г. Лукашенко проявляет себя активнее в употреблении местоимений, включенных в я-группу, но вместе с тем, предпочитая средства, входящие в *мы*-группу, стремится сильнее объединить себя с коллективом, чем В. В. Путин и Д. А. Медведев.

Личный вклад соискателя ученой степени

В диссертации представлены результаты исследования, проведенного лично автором. 7 работ опубликованы соискателем единолично.

Апробация результатов диссертации

Результаты диссертационного исследования были представлены на 4 научных конференциях: «Международная научная конференция: семантика и прагматика языковых единиц» (Минск, 2015 г.), VI международная научная конференция, посвященная памяти доктора филологических наук, профессора С. М. Прохоровой «Национально-культурный компонент в тексте и языке» (Минск, 2015 г.), XIII международные Карские чтения, посвящённые 155-летию выдающегося учёного-слависта Е.Ф. Карского «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации» (Гродно, 2016 г.), III международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, 2016 г.).

Опубликованность результатов диссертации

Результаты исследования отражены в 7 публикациях автора: из них 3 статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Беларуси (2,3 авт. л.), 4 работы опубликованы в сборниках материалов конференций (1,1 авт. л.). Общий объем опубликованных материалов составляет 3,4 авт. л.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, трех глав, заключения, библиографического списка и трех приложений. Полный объем работы составляет 134 страницы, из которых основной текст представлен на 111 страницах. Библиографический список включает 229 использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе «Теория политической лингвистики» изложены общие положения политической лингвистики, уточнены понятия, часто встречающиеся в диссертации в рамках данной молодой дисциплины, представлен аналитический обзор научной литературы по теме.

В разделе 1.1, обобщая определения политической лингвистики у разных ученых, мы констатируем, что данная наука занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за власть, как инструмента воздействия на аудиторию и, нередко, манипуляции общественным сознанием.

Среди ученых нет единства в толковании термина «политический дискурс». В диссертации под этим термином нами обозначается дискурс политиков, в рамках которого используются тексты, непосредственно созданные самими политиками (или их спичрайтерами) и используемые в политической коммуникации (новогоднее обращение, послание Президента, интервью политических лидеров и т. д.).

В разделе 1.2 представлен обзор трудов, связанных с проблематикой политической лингвистики, по трем главным периодам: этап становления (20 – 50-е гг. XX в.), этап развития (60–80-е гг. XX в.), современный этап (с 90-х гг. XX в. по настоящее время).

В языкознании 20–50-х гг. XX в. наблюдается многообразие в теории и методиках изучения публичного дискурса, что способствовало становлению политической лингвистики. Такие исследователи, как У. Липпман, П. Лазарсфельд, Г. Лассуэлл, Дж. Оруэлл, В. Клемперер и др., заложили основы современной политической лингвистики. В 60–80-х гг. XX в. специалисты в разных странах мира продолжают научный поиск в данной сфере; молодая научная дисциплина находится в состоянии бурного развития. К известным ученым данного периода относятся: М. Пеше, А. Греймас, Г. Кресс, Р. Ходжи, У. Маас, М. Эдельман и др.

С 90-х гг. XX в. по настоящее время исследования по политической лингвистике активно ведутся в Северной Америке, Западной Европе, постсоветских государствах и Китае. Среди работавших в США ведущих специалистов в этой сфере отметим Дж. Лакоффа, Р. Андерсона, В. Бенуа и др. В Западной Европе наиболее яркими представителями являются Т. ван Дейк, А. Мусолфф, Р. Водак и др. На постсоветском пространстве такие лингвисты, как

А. Н. Баранов, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, В. Н. Базылев, Л. Н. Синельникова, И. Ф. Ухванова-Шмыгова, Э. Лассан и др., постоянно стремятся, учитывая опыт ученых других регионов, к развитию и совершенствованию данной науки. В Китае специалисты сфокусировали внимание не только на изучении теоретической основы дискурс-анализа, но и на разборе конкретных политических текстов. Систематизируя научные публикации в области китайской политической лингвистики, мы выделили четыре направления данной науки за последние годы: а) исследования теоретического характера; б) применение дискурс-анализа к политическому тексту; в) изучение политической метафоры; г) изучение речей представителей политической элиты, в том числе анализ использования особой лексики в политическом тексте.

Вторая глава «Проблема субъектности в политическом дискурсе» посвящена изучению различных точек зрения на субъектность и исследованию комплексных языковых средств, используемых для реализации субъектной позиции (индивидуальной и коллективной субъектности).

В разделе 2.1, начав с уточнения понятия «субъект» в различных науках, в том числе в лингвистике, и разграничив «субъектность» и «субъективность», мы приходим к следующему выводу: под «субъектностью» понимается индивидуальность, характеризующая собственное «Я» говорящего, определяющая отношение личности к выполняемой речевой деятельности, формирующая личностную позицию. Согласно проведенному нами анализу материала, основным средством выражения субъектности являются личные местоимения. В политическом дискурсе местоимение *я* (и связанные с ним *меня*, *мой* и т. п.) выступает как индикатор индивидуальной субъектности, с помощью которого политик обращает внимание на себя, на свое личное состояние, на осознание своих мыслей и чувств. При помощи местоимения *мы* (и связанных с ним *нам*, *наш*, *по нашему мнению* и т. п.), характеризующегося идеей коллективной субъектности, лидер передает свою принадлежность к определенной группе и мысль о консолидации самой группы.

В разделе 2.2 рассматриваются способы формального выражения индивидуальной субъектности, которые можно разделить на четыре группы по степени интенсивности.

1. Эксплицитное прямое использование *я* (конструкция «*я* + N», где *я* – личное местоимение 1-го лица, в том числе в косвенных падежах, а N – личная форма глагола, краткая форма прилагательного или страдательного причастия, а также имя существительное, в том числе в сочетании с союзом *как*: *Дорогие мои, я – Президент страны. Я – Президент Беларуси* [ПП, Л, 19.04.2013].

2. Эллиптическое употребление *я*: употребление глагольной формы 1-го лица или краткого прилагательного (причастия) без местоимения в обычном для

этого случая инициальном положении; употребление глагольных форм 1-го лица в качестве дискурсивных слов, играющих в диалоге роль прагматем; контекстный эллипсис *я* в речевых актах поздравления, пожелания, сочувствия и т. п.: *Прихожу очень часто в храмы, патронирую строительство храмов, вот главный храм мы сегодня строим, **думаю**, за два-три года закончим, большой храм на выезде на Москву* [ПК, Л, 23.11.2005].

3. Описательное выражение *я*: употребление притяжательного местоимения *мой, моя, мое, мои* (*моя точка зрения* и т. п.); использование вводных слов и выражений (*на мой взгляд, по моей информации*): *Я скажу, что это не меньше белорусская территория, чем российская. Это **моя точка зрения*** [ПК, Л, 01.10.2010].

4. Имплицитное замещение *я* (употребление имен существительных вместо *я* говорящего (личное имя, названия должностей, устойчивое словосочетание, обозначающее говорящего. Например: *Хочу отметить, что в своё время **Ваш покорный слуга** и инициировал эту стройку* [ПЛ, П, 16.04.2015].

В данном разделе также приведена статистика употребления самых популярных лексем, сочетающихся с местоимением *я*, т. е. глаголов, которые использованы более 50 раз в исследуемом массиве текстов. Проанализированы частотные перформативные глаголы и словоформы, процент пропуска местоимения *я* при которых больше 50 %.

Раздел 2.3 посвящен представлению способов выражения коллективной субъектности и их иерархии, различию семантических разновидностей *мы*.

Местоимения *я* и *мы* в политическом тексте фактически конкурируют, соревнуются друг с другом за ресурс пространства сферы субъектности. При этом, прежде всего сравнивая частоты употребления местоимения 1-го лица единственного и множественного числа в нашем материале, относящемся к политическому дискурсу, а также в новом частотном словаре О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова, можно заметить, что использование *я* снижается с такой закономерностью $Ч_{ур} > Ч_{кд} > Ч_{ол} > Ч_{пр}$, а *мы* – в последовательности $Ч_{кд} > Ч_{ур} > Ч_{пр} > Ч_{ол}$. (здесь подстрочные индексы означают: ур – живая устная речь, кд – корпус диссертации, ол – общая лексика, пр – публицистическая речь.)

В сравнении с долями притяжательного местоимения *мой* из *я*-группы, *мы* наблюдаем расширенное использование слова *наш*, доля которого в *мы*-группе (22%) значительно больше, чем доля парадигмы слова *мой* в *я*-группе (8%).

Активность притяжательных местоимений *наш* и *мой* различна в четырех подкорпусах. Сравнение случаев их употребления на 1 млн слов показывает, что самый высокий коэффициент соотношения – в проанализированном нами материале: он составил 5,349, в то время как (по убыванию) в публицистической речи, общей лексике, живой устной речи он равен 1,323, 1,006, 0,655.

Использование *мы* в речи политического лидера часто носит суггестивный характер. Существуют высказывания, в которых значение «мы» расшифровывается именем прямого собеседника или непрямого участника в творительном падеже с предлогом *с*. При помощи конструкции «*мы с...*» глава государства объединяет себя с подчиненными, которые одновременно являются адресатами сообщения. При посредстве выступающих после предлога *с* существительных в творительном падеже *Китай, россияне, ЛУКойл* и т. п. можно уточнить значения *мы*, то есть выяснить, кто является здесь первой составляющей («я»): это *Беларусь (страна), белорусы, наше министерство* и т. п.

Коллективный субъект также создается с помощью прочих средств: это могут быть обращения, обособленные определения, придаточные предложения и т. п. Когда политик чувствует недостаточную информационную определенность использованного им *мы*, он может акцентировать совокупный характер субъекта и пояснить его либо перечислить и конкретизировать участников. Использованием слов *оба, друг друга, все, вместе*, а также конструкции *каждый из нас* создается представление о равноправном участии «я» и «не-я».

Итак, проанализировав всевозможные значения местоимения *мы*, попытаемся их классифицировать следующим образом. Прежде всего, выделяется инклюзивное *мы*, означающее говорящего и группу, к которой он принадлежит (включая адресата). По степени широты охвата оно подразделяется на несколько подтипов: национальное *мы* > социальное *мы* > коллективное *мы* > парное *мы*. Дадим соответствующие определения. Национальное *мы* – это говорящий и его соотечественники: *Провожая его, мне хочется выразить искреннюю признательность вам, мои соотечественники, за всё, что мы вместе сделали* [НО, Л, 31.12.2008]. Социальное *мы* – говорящий и объединенные с ним по общественному положению лица: *И чтобы мы, те, кто небезразличен к России, а это не только Беларусь, но прежде всего Беларусь, четко знали, чего хочет Россия* [ПК, Л, 08.09.2008]. Коллективное *мы* – говорящий и узкая группа, к которой он себя относит: *Вместе с Россией и Казахстаном, я уверен, не за горами и другие страны, мы создали Таможенный союз и затем Единое экономическое пространство с единым рынком в 170 миллионов человек* [ПП, Л, 08.05.2012]. Парное *мы* – говорящий и собеседник: *Мы говорим, только сейчас Вы сами сказали об истории завода. Я знаю, в каком сложном положении завод находился и в 90-е годы, и в начале 2000-х.* [ПЛ, П, 15.06.2017].

Второй большой тип – это *мы* эксклюзивное, объединяющее говорящего и непрямого слушающего (3-е лицо): *Я и члены моей семьи, мы с детьми, с женой подумаем над этим.* [ПЛ, П, 18.12.2003].

Кроме того, в отдельный тип выделяются случаи нейтрализации *мы* инклюзивного и *мы* эксклюзивного: *Я уже, отвечая на один из предыдущих*

вопросов, сказал, что **мы не назначаем и я не назначаю** губернатора, а предлагаю его Законодательному Собранию, и Законодательное Собрание фактически приводит к власти в регионе того или другого кандидата, предложенного Президентом [ПК, П, 31.01.2006].

Как и в предыдущем разделе, мы выделили четыре последовательные категории по силе выражения коллективной позиции (эксплицитное прямое использование *мы*, эллиптическое употребление *мы*, описательное выражение *мы*, имплицитное замещенное *мы*) и уточнили средства их формальной реализации.

Далее обращено внимание на функционирование глаголов, кратких форм прилагательного или страдательного причастия, для которых характерно опущение личного местоимения, в группах индивидуальной и коллективной субъектности. Получен результат, что: а) употребительность глаголов *говорить, мочь, хотеть* намного меньше в *мы*-группе, чем в *я*-группе, состав речемыслительных глаголов в *мы*-группе менее разнообразный, чем в *я*-группе; б) политик, включающий себя в *мы*-группу, в большей степени выражает предположение с оттенком обязательности (*должны, вынуждены, обязаны*), а также планирует сделать что-то с определенной целью (*готовы, заинтересованы, намерены*), чем тот же человек как отдельная личность; в) только у трех слов – *скажем, допустим, посмотрим* – коэффициент опущения местоимения превышает 0,5. Этот факт говорит о том, что политик, использующий эксплицитное личное местоимение, предпочитает подчеркивать в своей речи коллективную субъектность.

В конце данного раздела представлены два особых случая: а) не всегда от говорящего требуется разделять индивидуальный и коллективный субъект (это касается употребления относительных местоимений *каждый, любой*); б) в отдельных ситуациях без достаточного контекста невозможно уточнить характер субъекта: идет ли речь об индивидуальной или коллективной субъектности.

В разделе 2.4 изучаются дополнительные, вспомогательные средства выражения субъектности. Заслуживают отдельного внимания такие способы, как употребление просторечных слов и жаргонизмов, литературных цитат. Они косвенно выражают мнения и эмоции политика и одновременно поддерживают конкретные коммуникативные тактики. Например: *Сергей Бибарцев: «Сегодня жене на педсовете – она учитель средней школы № 71 в посёлке Кедровый – сообщили, что будет снижена зарплата учителям на 20 процентов с мая в связи с присоединением Крыма к Российской Федерации»*. В. Путин: **Жулики!** [ПЛ, П, 17.04.2014].

Третья глава «Субъектность как черта языковой личности политика» посвящена уточнению дистрибуции средств, входящих в *я*-группу и *мы*-группу, в речах одного и того же политика, относящихся к разным жанрам, и текстах разных политических лидеров.

В разделе 3.1 анализируется субъектность в телепрограмме «Прямая линия». Исходя из фактических данных, можно получить информацию о том, что за исследуемый период, кроме 2001, 2005, 2011 гг., употребление *мы* занимает в данных текстах доминирующее место. Средняя частота *мы*-группы (25,9‰) выше на 5,8‰, чем *я*-группы (20,1‰). Максимальная точка *мы*-группы в 32,6 ‰ встречается в 2015 г., минимум *мы* появляется в 2005 г., там соответствующая величина равна 17,6 ‰. Максимум *я* для телепрограммы В. В. Путина отмечен в выступлении в 2011 г., и составляет 26,3 ‰. Минимальная точка *я*-группы составляет 16,5 в 2002 г. (рисунок 1).

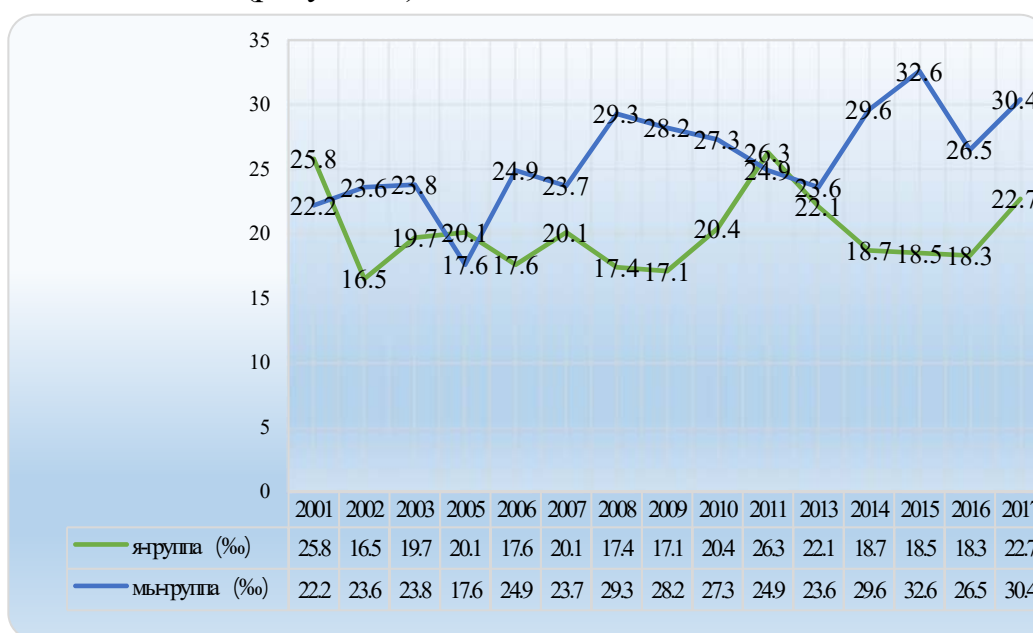

Рисунок 1. – Частота использования я-группы и мы-группы в жанре «Прямая линия» В. В. Путина

Анализ изменений в *я*-группе и *мы*-группе в период 2001–2007 гг., 2008–2011 гг. и 2013–2017 гг. показывает, что варьирование в *я*-группе очень тонко и незначительно, а в *мы*-группе наметилось не только несколько большее колебание, но и возрастающая тенденция в каждый период (в среднем случае, соответственно, 22,6, 27,4. и 28,5 на тысячу слов).

Сравнивая сегменты в двух группах, мы замечаем, что хотя абсолютное количество употреблений местоимения *мы* больше, чем *я*, но процент *я* в именительном падеже больше, чем *мы* в соответствующей форме. Наоборот, *я*-группа в косвенных падежах представлена гораздо беднее, чем *мы*-группа. Этот факт говорит, скорее всего, о том, что при употреблении личного местоимения, выражающего индивидуальную субъектность, В. В. Путин стремится четко и категорично высказывать свое мнение, предпочитая *я* в именительном падеже (*я считаю, я думаю*), а не *я* в косвенных падежах (*мне кажется, мне представляется*).

В разделе 3.2 проводится подробный анализ языковых средств,

используемых для выражения субъектности в посланиях Президента парламенту. Проведённый нами анализ первого обращения к адресатам показывает, что у трех Президентов его формула состоит из призыва к внутренней (*депутаты, члены Совета*) и внешней аудитории (*граждане, соотечественники*). В речи Д. А. Медведева эта особенность стабильно сохраняется, для него это универсалия. У Президентов А. Г. Лукашенко и В. В. Путина вид обращения со временем меняется. Обращения Президента Лукашенко ориентированы к расширенному адресату, например, *приглашенные, руководители дипломатического корпуса, товарищи, гости*. В целом в речи А. Г. Лукашенко наименование адресата (27 видов) многообразнее, чем в текстах Д. А. Медведева (7 видов) и В. В. Путина (11 видов).

Динамика использования местоимений *я* и *мы* в исследованных текстах, представленная на рисунке 2, показывает: а) максимальное значение местоимения *мы* находим в послании А. Г. Лукашенко 2015 г. (41,8%); минимум *мы* проявляется в послании В. В. Путина 2007 г. – 18,4%; б) максимум *я* находим в выступлении А. Г. Лукашенко 2010 г. (17%); минимальное использование *я* обнаруживается в выступлении В. В. Путина 2001 г. (7,6%); в) частотность использования *мы* в посланиях А. Г. Лукашенко за 2003–2017 гг., находится на высшем уровне: её диапазон – с 20,5 по 41,8%.

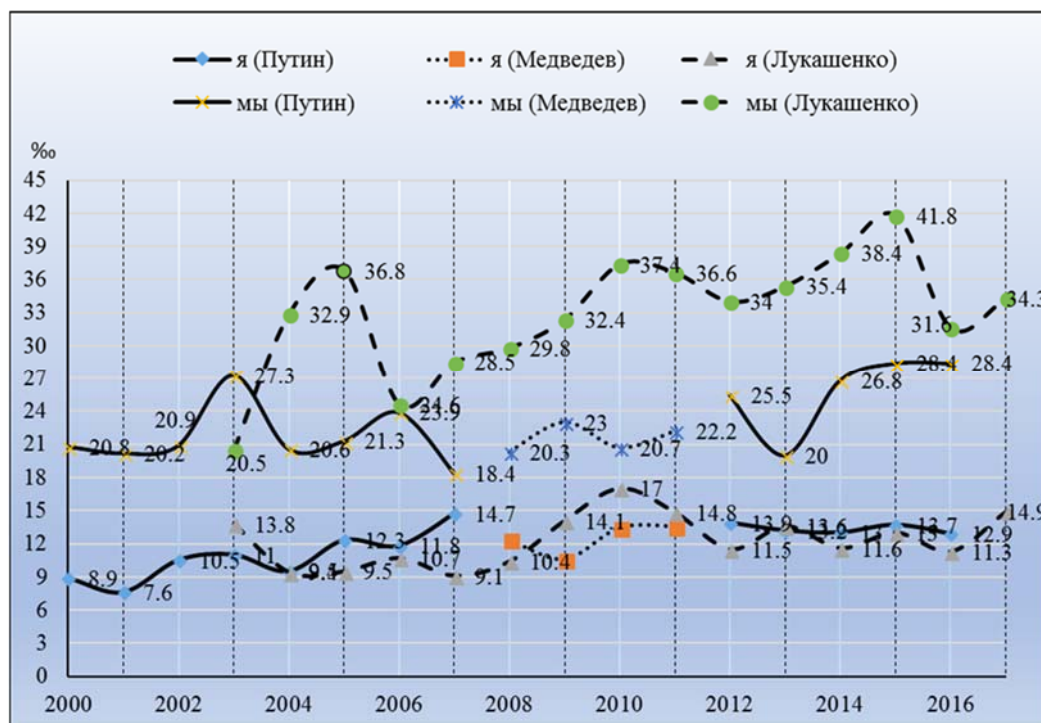

Рисунок 2. – График изменения частоты *я*-группы и *мы*-группы в посланиях Президентов

Средняя частота использования местоимения *я* в речах трех Президентов очень близка. На каждую тысячу слов А. Г. Лукашенко употребляет местоимение *мы* около 34 раз, на 12 раз чаще, чем Д. А. Медведев. Эллипсис личного

местоимения *я* ускоряет темп речи, придает ей разговорность и динамичность. В речи А. Г. Лукашенко предложений с эксплицированным местоимением *я* больше, чем предложений с опущенным *я*, а у российских Президентов – наоборот. В частности, в речи В. В. Путина процент эллиптического «*я*» составляет 82% (от всех эллиптических случаев). Это позволяет нам утверждать, что российские Президенты склонны вносить разговорный оттенок в официальное послание. Одновременно они, возможно, смягчают категоричность своих высказываний и понижают степень субъектности речи.

В посланиях личные местоимения *я* и *мы*, употребляющиеся при соответствующих глагольных формах и кратких формах прилагательных, могут быть связаны с добавочными смысловыми оттенками. Подробнее это выглядит так: а) в речи А. Г. Лукашенко глагол *хотеть* является наиболее употребительным среди всех других глаголов; б) В. В. Путин с большей частотой произносит *прошу*. Это значит, Президент вежливо обращается к слушающему и в то же время (с учетом его статуса) делает категорическое предложение; в) А. Г. Лукашенко прежде всего использует слово *думать*. В. В. Путин и Д. А. Медведев, используя разные речемыслительные глаголы, например, *считать*, *предполагать*, *полагать*, *думать*, выражают более разнообразную точку зрения на процесс речи; г) в речи всех трех Президентов краткая форма прилагательных со значением долженствования (*должен*, *должны*) чрезвычайно популярна. В официальном политическом дискурсе это категорическое требование к самому Президенту, к депутатам, обычным людям, всем гражданам; д) используя словоформы 1-го лица множественного числа глагола *мочь* (*смочь*), Президенты убеждают слушающих в том, что он (или они) обладают способностью, силами что-то сделать, поддерживать что-то в определенном состоянии; е) словоформы *сделали*, *делаем*, *сделаем*, имеющие значение выполнения какого-то плана, работы, совершения чего-то, чаще используются в речи А. Г. Лукашенко и Д. А. Медведева.

Для четкого сравнения фокусных слов у трех Президентов из 100 частотных имен существительных (из них составлены семантические «облака» в диссертации) были выбраны только 10. По нашим наблюдениям: 1) частота всех 10 имен существительных выше в посланиях, чем в частотном словаре русского языка; 2) слова *человек*, *год*, *страна*, *развитие* являются общими точками внимания всех трех Президентов; 3) употребительность слов *Беларусь* и *Россия* свидетельствует о том, что каждый Президент подчеркивает название своего государства; 4) понятия, стоящие за словами *экономика* и *предприятие*, вызывают особое внимание Президента Лукашенко. Слова *гражданин*, *система*, *работа* больше характеризуют речь Президента Путина. Употребительность существительного *ребенок* отражает, что дети привлекали пристальное внимание Д. А. Медведева.

Раздел 3.3 посвящен сопоставительному анализу субъектности в новогодних обращениях. Из рисунка 3 видно, что в новогодних обращениях А. Г. Лукашенко максимум употребления *мы* (78%) приходится на 2016 г. Минимальное использование *мы* (42,9%) появляется в его выступлении 2013 г. Размах колебания для *мы*-группы составляет 35,1%. Полоса частоты *я* в диапазоне 1,4 (2014 г.) – 27,6 (2000 г.). Частотность использования *мы* у Д. А. Медведева колеблется от 90,9 в 2010 г. до 55,8% в 2012 г. (размах колебания – 35,1). Диапазон частотности *я* варьируется от 4,9 (2011 г.) до 18,5% (2009 г.) (размах 13,6). В. В. Путин в своих новогодних посланиях сильнее всего варьирует употребление местоимения *мы*. А. Г. Лукашенко в новогодних обращениях на протяжении 17 лет чаще меняет употребление местоимения *я*.

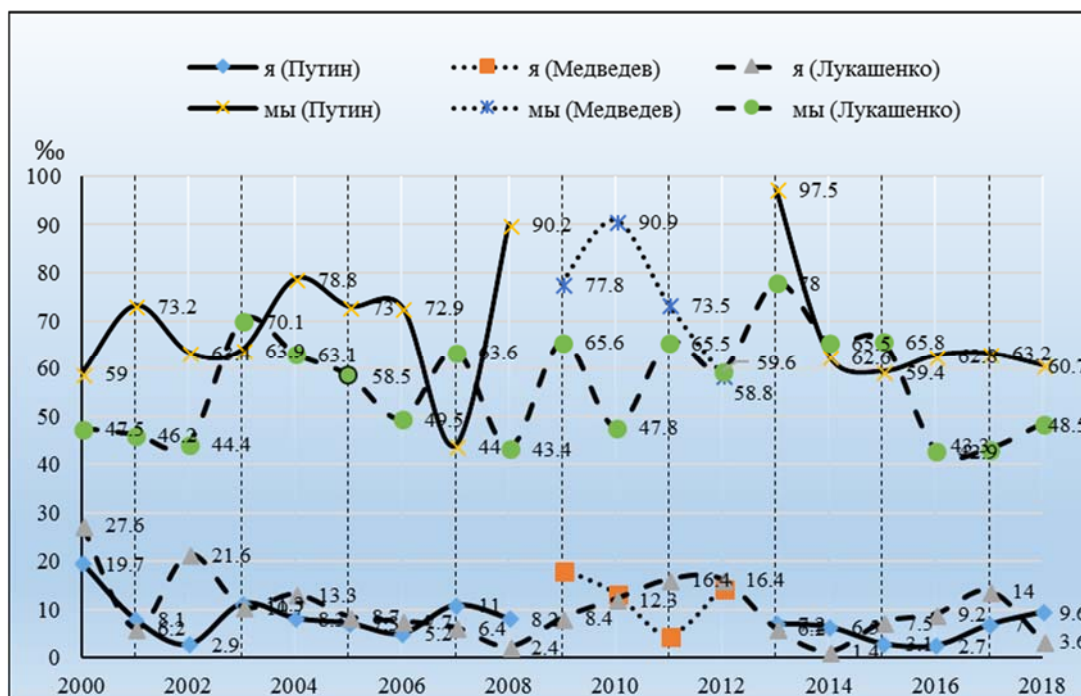

Рисунок 3. – График изменения я-группы и мы-группы в новогодних обращениях трех Президентов

Подсчитав среднюю частоту на тысячу слов по *я*- и *мы*-группам, получаем, что: а) частота *мы*-группы составляет у Д. А. Медведева, В. В. Путина и А. Г. Лукашенко соответственно 75,8, 67,3, 55,5; б) частота *я*-группы у Д. А. Медведева, А. Г. Лукашенко, В. В. Путина равна соответственно 13,4, 10,7, 7,7. Выяснилось также, что средняя длина новогоднего выступления А. Г. Лукашенко составляет 733 слова, а В. В. Путина и Д. А. Медведева соответственно 294 и 224 слова. Такое различие, по нашим наблюдениям, может быть связано с тем, что белорусский Президент более дифференцированно подходит к аудитории, адресуя свои прогнозы и пожелания разным категориям слушателей и читателей. Это приводит к увеличению длины текста.

В соответствии с требованиями жанра, словоформы *желаю, пожелаем, поздравляю, поздравим* очень часто встречаются в речах всех трех политиков. У Президента А. Г. Лукашенко среди наиболее частотных предикатов наблюдаются словоформы *прожили, строим*, значение которых тесно связано с жизнью народа.

Раздел 3.4 посвящен сопоставительному анализу субъектности в текстах пресс-конференций. В. В. Путин в своих ответах на пресс-конференции относительно стабильно использует местоимение *я* по сравнению с речью А. Г. Лукашенко. В сравнении с высказываниями В. В. Путина в текстах А. Г. Лукашенко наблюдается относительно более частое употребление местоимений *я* и *мы*. Об этом свидетельствует средняя частота на тысячу слов по *я*-предложению и *мы*-предложению, представленная по убыванию в нижеследующем отношении: $\text{Ч}_{\text{Л-мы}} (42,2) > \text{Ч}_{\text{П-мы}} (30)$ и $\text{Ч}_{\text{Л-я}} (29,7) > \text{Ч}_{\text{П-я}} (22,3)$.

В текстах данного жанра В. В. Путин явно чаще склонен опускать *я*, чем А. Г. Лукашенко (40% против 21%). Сравнивая приводившиеся ранее данные по посланиям В. В. Путина парламенту (там соотношение *я* и *я*-эллипсиса равно 18 : 82) и данные в этом жанре (60 : 40), мы можем заключить, что хотя эллипсис *я* способствует «экономии» речи, политик ощущает в таком случае ослабление выражения индивидуальной субъектности, и для него важнее реализовать свою коммуникативную интенцию и четко позиционировать себя.

Любопытно также, что, несмотря на частотное различие в президентских высказываниях, шесть словоформ – *сказал, знаю, думаю, хочу, говорил, могу* – полностью совпадают в перечнях наиболее употребительной лексики двух Президентов. В пресс-конференциях А. Г. Лукашенко чрезвычайно часто используется словоформа настоящего времени *говорю*. С ее помощью Президент Беларуси выражает свои актуальные на момент выступления мысли, мнения, сообщает важные факты. В речи Путина самой употребительной словоформой является *думаю*. Возможно, белорусский Президент легче связывает речемыслительный процесс с его внешним выражением, в то время как его российский коллега предпочитает концентрировать внимание слушателей на внутренней стороне этого процесса.

Не случайно, что пять словоформ множественного числа – *можем, допустим, должны, хотим, знаем* – часто повторяются в речи обоих Президентов. Однако белорусский Президент чаще всего подчеркивает возможность, допустимость некоторого совместного действия (*можем*) и тем самым убеждает адресата в способности сделать что-то. Путин же употреблением самой частотной словоформы *должны* призывает к сплочённости коллективного действия или прямо ориентирует слушающего на выполнение своего долга.

В **разделе 3.5** сравнивается субъектность в различных жанрах выступлений политического лидера. В новогодних обращениях и посланиях

Д. А. Медведева парламенту частотность *я*-группы очень близка, а частотное употребление *мы*-группы имеет большое различие: в новогоднем обращении использовано *мы*-предложений в 3 раза больше, чем в послании Президента. Причина может быть в том, что новогоднее обращение носит однозначно ритуальный характер и в таком случае использование *мы*-предложений преследует цель больше сплотить говорящего с народом.

Основываясь на анализе частоты использования личных местоимений в выступлениях А. Г. Лукашенко, мы приходим к выводу, что частотность *я*-группы убывает следующим образом: $Ч_{пк} > Ч_{пп} > Ч_{но}$. В *мы*-группе представлено такое соотношение по частоте употребления: $Ч_{но} > Ч_{пп} > Ч_{пк}$. Данная закономерность находит свое обоснование в том, что с усилением диалогического характера политического жанра употребление местоимения *я* постепенно возрастает (становится чаще), потому что политический лидер обязан выражать свое мнение с точки зрения индивидуального субъекта. А *мы*-группа не связана прямо с такой необходимостью, поскольку местоимение *мы* зависит не только от диалогического характера текста, но и от конкретной ситуации.

В *я*-предложениях различных жанров В. В. Путина наметилось такое соотношение по убывающей частоте: $Ч_{пк} > Ч_{пл} > Ч_{пп} > Ч_{но}$. По-видимому, частота использования *я* изменяется прямо в соответствии со степенью разговорности текста: чем спонтаннее, непринужденнее речь политика, тем больше она предполагает участие *я*. В *мы*-группе, по нашим наблюдениям, закономерность по убыванию частоты выстраивается следующим образом: $Ч_{но} > Ч_{пк} > Ч_{пл} > Ч_{пп}$. Причем новогоднее обращение (как уже отмечалось применительно к аналогичному обращению Д. А. Медведева) лидирует в данном плане с большим отрывом.

В различных жанрах выступлений В. В. Путина конструкции с *я*-эллипсисом и члены парадигмы *наш* всегда доминируют соответственно над *мы*-эллипсисом и парадигмой *мой*. В *я*-группе эллипсис местоимения в новогодних обращениях и посланиях Президента характеризуется высоким процентным показателем, особенно в посланиях Президента, где эта величина достигает 78%. Это, по-видимому, говорит о том, что В. В. Путин выбирает более слабый тип выражения индивидуальной субъектности. Процентный состав *я*-группы и *мы*-группы в жанрах «Прямая линия» и «Пресс-конференция» сильно не различается, особенно в *я*-группе.

Анализируя данные выступлений трех Presidents, можно заметить, что Президент А. Г. Лукашенко проявляет себя активнее в употреблении местоимений, включенных в *я*-группу и *мы*-группу. Это значит, он больше позиционирует себя как субъект речи и явно сильнее стремится объединить себя с коллективом, чем В. В. Путин и Д. А. Медведев (рисунок 4).

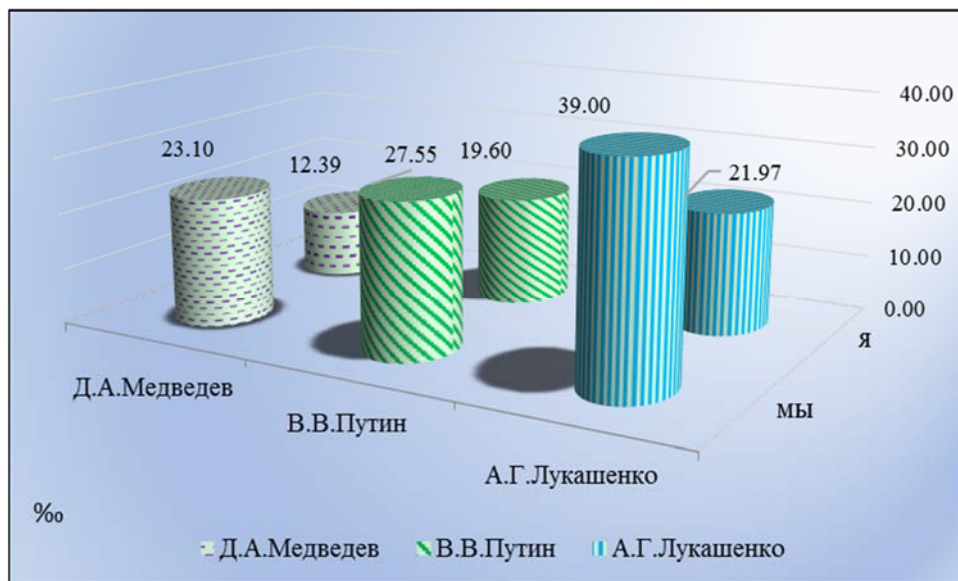

Рисунок 4. – Процентные показатели я-группы и мы-группы в выступлениях Д. А. Медведева, В. В. Путина и А. Г. Лукашенко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты исследования

1. В развитии политической лингвистики как новой научной дисциплины выделяются три стадии. В XX в. в странах Северной Америки и Западной Европы формируются новые важные теории и методы, обеспечивающие дискурс-анализ текстов, относящихся к сфере политики (монографии и статьи Т. ван Дейка, Р. Андерсона, Дж. Лакоффа, В. Бенуа и др.). В постсоветских государствах эта молодая наука, базирующаяся на достижениях классического русского и советского языкознания, строится с учетом местной (прежде всего русскоязычной) специфики и тоже имеет свои заметные результаты (работы А. Н. Баранова, А. П. Чудинова, Э. Лассан и др.). В Китае данная дисциплина пока не структурирована, она направлена более всего на изучение и применение зарубежных теорий, одновременно ведутся практические разработки в сфере политического дискурса. Научные публикации многих ученых посвящены разработке теории метафоры, критического дискурс-анализа и подходов к нему и др. Современная политическая лингвистика акцентирует внимание на исследовании идиостиля политиков, в особенности глав государств, используемых ими стратегий, тактик и приемов в публичной коммуникации [1].

2. Специфика выражения субъектности в политическом дискурсе реализуется посредством комплексного использования лексических и

грамматических средств воздействия. Я-группа, мы-группа и группа размытого или обобщенного субъекта являются кластерами, представляющими всевозможные способы выражения субъектности в политическом дискурсе. Основным средством выражения субъектности на лексическом уровне являются личные местоимения. По степени субъектности (от самой сильной до самой слабой) выделены: эксплицитное прямое использование личного местоимения, эллиптическое употребление местоимения, описательное выражение субъектности, имплицитное замещение личного местоимения. Проанализирована конструкция «личные местоимения + N», используемая для выражения субъектности. Показано, что: 1) когда местоимения *я* и *мы* выступают в именительном падеже, то вторым членом конструкции – N – может служить личная форма глагола, краткая форма прилагательного или страдательного причастия, а также имя существительное и оборот со сравнительным словом *как*; 2) глагольные формы 1-го лица или формы краткого прилагательного (причастия) могут использоваться при опущенном (эллиптическом) местоимении, что имеет определенную стилистическую значимость; 3) случаи употребления местоимения в косвенных падежах, также выражающие субъектность, обусловлены структурой синтаксических моделей, по которым построены высказывания; 4) для выражения индивидуальной субъектности могут использоваться притяжательное местоимение *мой* (и его формы), вводные слова и выражения с их участием, а также имена существительные, описательно обозначающие говорящего [2].

3. В политических текстах различаются следующие семантические разновидности *мы*: инклюзивное и эксклюзивное. При этом инклюзивное *мы* обладает различным объемом (широтой охвата); мы ранжируем его следующим отношением: национальное *мы* > социальное *мы* > коллективное *мы* > парное *мы*. Анализ фактического материала обнаружил также некоторое количество случаев, в которых разделение *мы* инклюзивного и *мы* эксклюзивного затруднительно. Обнаружены также редкие случаи, когда говорящий, используя местоимение *мы*, исключает себя из состава коллективного субъекта [3].

4. Предикаты, сочетающиеся с местоимениями в политическом дискурсе, представляют собой важные элементы поля субъектности. Местоимение *я* в частотных словарях русского языка показывает большую частоту, чем *мы*, а в собранном нами материале, наоборот, *мы* встречается чаще, чем *я*. Заметно, что использование *я* снижается с такой закономерностью: $Ч_{ур} > Ч_{кд} > Ч_{ол} > Ч_{пр}$ (здесь подстрочные индексы означают: ур – живая устная речь, т – корпус диссертации, ол – общая лексика, пр – публицистическая речь.) Частотность местоимения *мы* понижается с такой закономерностью в различных стилях: $Ч_{кд} > Ч_{ур} > Ч_{ол} > Ч_{пр}$. Притяжательные местоимения *наш* и *мой* по-разному ведут себя в рассмотренном

материале и в трех описанных подкорпусах: в публицистической речи, общей лексике, живой устной речи, коэффициент их соотношения соответственно равен 5,349, 1,323, 1,006, 0,655.

Установлено, что многие из глаголов, сочетающихся с местоимением *я*, представляют собой речемыслительные лексемы. В *мы*-группе имеется 9 речемыслительных глаголов, употребленных более 50 раз в исследованных текстах, это количество заметно меньше, чем в *я*-группе (где таких глаголов 15). Самыми употребительными перформативными глаголами являются *прошу, предлагаю, подчеркиваю, обещаю, поручаю, желаю*. Сравнивая краткие формы прилагательного или страдательного причастия во множественном числе (*должны, вынуждены, обязаны, готовы, заинтересованы, намерены*) с использованными в *я*-группе, мы пришли к выводу, что политик, объединяющий себя с какой-то группой, в большей степени выражает предположение и планирование сделать что-то. Это говорит о тех стратегиях речевого поведения, которые имплицитно присутствуют в сознании политического лидера при общении со слушающими [3].

5. Среди языковых средств, образующих поле выражения категории субъектности, важное место занимают также имена существительные. В том числе в посланиях Президентов парламенту использование существительных для обозначения самого говорящего представляет собой яркую характеристику языковой личности политика; использование существительных в качестве обращений выявляет коммуникативные тактики политика и особенности его идиолекта; наконец, семантические «облака» существительных в публичных выступлениях политических лидеров демонстрируют их идейные приоритеты. Так, при наличии в текстах Президентов общих приоритетов типа *человек, год, страна, развитие*, каждый из них демонстрирует приверженность своим «идеологемам» (*экономика и предприятие* – для А. Г. Лукашенко, *гражданин и система* – для В. В. Путина и т.д.) [3; 5; 6].

6. Установлено неравномерное использование личных и притяжательных местоимений в различных жанрах и в речи разных политических лидеров. Обследованный нами фактический материал (110 текстов, общим объемом более 1 млн словоупотреблений) свидетельствует, что на выбор тех или иных средств для выражения субъектности в политическом дискурсе влияют три ряда факторов: личность политического лидера (в том числе его идиолект), его коммуникативная интенция и жанровые условия выступления.

В телепрограмме «Прямая линия» употребление *мы*-группы сильнее изменяется в выступлениях по годам, чем употребление *я*-группы; наблюдается также и общая тенденция к количественному возрастанию *мы*-группы по всем периодам. Эта динамика позволяет утверждать, что постепенно, с течением

времени в сознании политиков формируется и стабилизируется языковой образ данного нового жанра политического выступления.

В посланиях парламенту А. Г. Лукашенко использует различные языковые средства, входящие в *мы*-группу, чаще, чем Д. А. Медведев и В. В. Путин. Контент-анализ речи трех политических деятелей помогает уточнить особенности идиолекта каждого из них. В. В. Путин в новогодних обращениях сильнее всего варьирует употребление местоимения *мы*. А. Г. Лукашенко в новогодних обращениях за тот же период чаще меняет употребление местоимения *я*. Д. А. Медведев чаще всего употребляет местоимения *мы* и *я* в новогодних поздравлениях. В соответствии с требованиями жанра, словоформы *желаю, пожелаем, поздравляю, поздравим* очень часто встречаются в речах всех трех политиков. В. В. Путин в ответах на пресс-конференции относительно стабильно использует местоимение *я* по сравнению с речью А. Г. Лукашенко. У белорусского Президента наблюдается заметное превосходство над *я* местоимения *мы*. В том же жанре политического дискурса В. В. Путину чаще свойственно опускать *я*, чем А. Г. Лукашенко, а белорусский Президент чаще российского опускает *мы*. Словоформы *сказал, знаю, думаю, хочу, говорил, могу, можем, допустим, должны, хотим, знаем* полностью совпадают в перечнях наиболее частотной лексики двух Президентов. Однако белорусский Президент чаще всего употребляет словоформы *говорю* и *можем*, а В. В. Путин – *думаю* и *должны*. Все эти языковые особенности, непосредственным образом характеризую идиолект политика, одновременно выдают конкретные коммуникативные интенции говорящего, его представление об оптимальных стратегиях и тактиках. Многофункциональность политического текста (преследующего функции информирования, самопрезентации, суггестии и др. – с доминированием той или иной цели в разных ситуациях) показательным образом отражается на использовании средств поля субъектности.

В новогодних обращениях Д. А. Медведева использование *мы*-группы в 3 раза больше, чем в тексте его президентского послания. В речи А. Г. Лукашенко с усилением диалогического характера политического жанра употребление местоимения *я* постепенно становится чаще, а в *мы*-группе наблюдается такое соотношение по частоте употребления: $Ч_{но} > Ч_{пл} > Ч_{пк}$. У В. В. Путина в *я*-группе различных жанров наметилось такое отношение: $Ч_{пк} > Ч_{пл} > Ч_{пл} > Ч_{но}$, в *мы*-группе: $Ч_{но} > Ч_{пк} > Ч_{пл} > Ч_{пл}$. В составе средств выражения субъектности *я*-эллипсис и парадигма *наш* всегда доминируют над *мы*-эллипсисом и парадигмой *мой*. В *я*-группе *я*-эллипсис используется чаще других, если обращать внимание на новогодние обращения и послания Президента.

Президент А. Г. Лукашенко проявляет себя активнее в употреблении местоимений, включенных в *я*-группу, но, вместе с тем, предпочитая в ряде

жанров выбор средств, входящих в *мы*-группу, явно сильнее стремится объединить себя с коллективом, чем В. В. Путин и Д. А. Медведев. Это – яркая черта его политического идиолекта.

Разумеется, политический лидер не преследует цели сознательно использовать в своем обращении к аудитории те или иные языковые средства. Но объективная картина применения и соотношения данных средств составляет важную часть языкового портрета политика. Не случайно изучение этих общих и специфических речевых черт представляет собой один из актуальных объектов новой научной дисциплины – политической лингвистики [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке проблем политической лингвистики и теории коммуникативных стратегий.

Практическая ценность исследования заключается в обобщении большого количества фактического материала и выработке рекомендаций для молодых политиков, общественных деятелей, журналистов-международников, интересующихся вопросами речевых стратегий и тактик.

Материалы исследования могут быть использованы в преподавании общих и специальных лекционных курсов по теории языка, риторике, стилистике, культуре речи, политологии и др., а также в практике преподавания русского языка, в том числе как иностранного.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Статьи в рецензируемых научных изданиях

1. Го, Бинь. Исследования политической лингвистики в Китае / Бинь Го // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 66–72.
2. Го, Бинь. Реализация стратегии самопрезентации в политическом дискурсе / Бинь Го // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 77–84.
3. Го, Бинь. Личностный фактор в политическом дискурсе / Бинь Го // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 20–27.

Материалы и тезисы докладов научных конференций и чтений

4. Го, Бинь. Речевые черты политических выступлений В. В. Путина / Бинь Го // Семантика и прагматика языковых единиц: тезисы докл. Междунар. науч. конф. /

редкол: А. М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2015. – С. 192.

5. Го, Бинь. Тактики оппозиционирования в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» / Бинь Го // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации (к 155-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского) : сб. науч. тр. / редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. – Гродно: ГрГУ, 2016. – С. 283–291.

6. Го, Бинь. Тактики отождествления и солидаризации в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» / Бинь Го // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: труды и материалы (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т, 23–26 мая 2016 г.): к юбилею декана филол. ф-та МГУ проф. М. Л. Ремнёвой / Сост. О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров; Под общ. рук. проф. М. Л. Ремнёвой. – М: МАКС Пресс, 2016. – С. 496–498.

7. Го, Бинь. Обращения политических лидеров к народу (на материале новогодних поздравлений В. В. Путина и А. Г. Лукашенко) / Бинь Го // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. С. М. Прохоровой, Минск, 3–5 дек. 2015 г./ редкол.: О. А. Полетаева (отв. ред) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2017. – С. 71–74.

РЕЗЮМЕ

Го Бинь

**Выражение субъектности в политическом дискурсе
(на материале выступлений современных политических лидеров)**

Ключевые слова: субъектность, политический дискурс, личные местоимения, новогоднее обращение, прямая линия, послание Президента, пресс-конференция.

Цель исследования – выявить систему языковых средств, используемых для реализации субъектности в политическом дискурсе, а также особенности взаимодействия данных средств и механизмы их применения в разных жанрово-стилистических условиях и с учетом языковой личности говорящего

Методы исследования: наблюдение, методы статистической обработки, контент-анализ, семантический анализ.

Полученные результаты и их новизна. Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней на материале выступлений трех Президентов (В. В. Путина, Д. А. Медведева, А. Г. Лукашенко) впервые проведено комплексное исследование языковых средств, используемых для реализации категории субъектности в политическом дискурсе. Предложена иерархия выражения индивидуальной и коллективной субъектности. Выделены семантические разновидности *мы* в исследованных политических текстах. Установлено неравномерное использование средств, входящих в *я*-группу и *мы*-группу, в текстах одного и того же политика, относящихся к разным жанрам, и в речи разных политических лидеров. Выявлена употребительность частотных имен существительных в проанализированном нами материале, позволяющая уточнить характеристики языковой личности политика.

Практическая значимость исследования и область применения.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке проблем политической лингвистики и теории коммуникативных стратегий. Практическая ценность исследования заключается в обобщении большого количества фактического материала (объемом более 1 млн словоупотреблений) и выработке рекомендаций для молодых политиков, общественных деятелей, журналистов-международников, интересующихся вопросами речевых стратегий и тактик. Материалы исследования могут быть использованы в преподавании общих и специальных лекционных курсов по теории языка, риторике, стилистике, культуре речи, политологии и др., а также в практике преподавания русского языка, в том числе как иностранного.

Го Бінь

**Перадача суб'ектнасці ў палітычным дыскурсе
(на матэрыяле выступленняў сучасных палітычных лідараў)**

Ключавыя словы: суб'ектнасць, палітычны дыкурс, асабовыя займеннікі, навагодні зварот, прамае лінія, пасланне прэзідэнта, прэс-канферэнцыя.

Мэта даследавання – выявіць сістэму моўных сродкаў, якія перадаюць катэгорыю суб'ектнасці ў палітычным дыскурсе, заканамернасці іх узаемадзеяння і механізмы выкарыстання ў розных жанрава-стылявых умовах і з улікам моўнай асобы гаворачага.

Метады даследавання: назіранне, метады статыстычнай апрацоўкі, кантэнт-аналіз, семантычны аналіз.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Навуковая навізна дысертацыі ў тым, што ў ёй на матэрыяле выступленняў трох прэзідэнтаў (У. У. Пуціна, Д. А. Мядзведзева, А. Р. Лукашэнкі) упершыню праведзена комплекснае даследаванне моўных сродкаў, выкарыстаных для рэалізацыі катэгорыі суб'ектнасці ў палітычным дыскурсе. Прапанавана іерархія перадачы індывідуальнай і калектыўнай суб'ектнасці. Вылучаны семантычныя разнавіднасці *мы* ў даследаваных палітычных тэкстах. Вызначана нераўнамернае выкарыстанне сродкаў, якія ўваходзяць у *я*-групу і *мы*-групу, у тэкстах аднаго палітыка, што адносяцца да розных жанраў, і ў гаворцы розных палітычных лідараў. Выяўлена ўжывальнасць назоўнікаў у даследаваным намі матэрыяле, якая дазваляе ўдакладніць характарыстыкі моўнай асобы палітыка.

Практычная значнасць даследавання і сфера выкарыстання.

Вынікі дысертацыйнага даследавання могуць быць скарыстаны пры далейшай распрацоўцы праблем палітычнай лінгвістыкі і тэорыі камунікатыўных стратэгий.

Практычная каштоўнасць даследавання заключаецца ў абагульненні вялікай колькасці фактычнага матэрыялу (аб'ёмам больш за 1 млн словаўжыванняў) і выпрацоўцы рэкамендацый для маладых палітыкаў, грамадскіх дзеячаў, журналістаў-міжнароднікаў, якія цікавяцца пытаннямі маўленчых стратэгий і тактык. Матэрыялы даследавання могуць быць скарыстаны ў выкладанні агульных і спецыяльных лекцыйных курсаў па тэорыі мовы, рыторыцы, стылістыцы, культуры маўлення, паліталогіі і інш., а таксама ў практыцы выкладання рускай мовы, у тым ліку як замежнай.

SUMMARY

Guo Bin

The expression of subjectivity in political discourse (based on modern political leaders' speeches)

Key words: subjectivity, political discourse, personal pronouns, New Year speech, live television call-in show, the President's message, press-conference.

The aim of the research is to reveal the system of expressing subjectivity through language in a political discourse, considering the frequency of interaction and mechanisms of the usage in various genres and styles, taking into account the linguistic persona of the speaker.

Methods of research: observation, stylistic processing methods, content-analysis, semantic analysis.

Results and findings: The scientific novelty of the thesis is as follows. It is based on the content of speeches of three presidents (V. V. Putin, D. A. Medvedev, A.G. Lukashenko) and is the first complex study of linguistic means of expression of subjectivity in a political discourse. The hierarchy of individual and collective subjectivity expression is provided. Semantic varieties of *we* in studies of political texts are outlined. It is found that the means, categorized as 'I-group' and 'we-group', in one politician's texts of various genres and in different political leaders' speeches are used unevenly. We calculate the frequency of usage of nouns in the investigated texts, which allows us to specify the characteristics of the politician's linguistic persona.

Practical implications and sector of performance of the research.

The results of the research may be used in the further study of political linguistics and the theory of communicative strategies.

The practical utility of the research consists in generalization of a large amount of factual material (more than 1 million linguistic usages) and formulation of recommendations for young politicians, public figures and international journalists interested in speech strategies and tactics.

The results of the research can be used in teaching general and specialized lecture courses on linguistic theory, rhetoric, stylistics, speech culture, political science, etc., as well as in teaching the Russian language both as native and foreign.